

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).03 DOI 10.25986/IRI.2024.98.4.002

А. В. Майоров

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. a.v.maiorov@gmail.com

Ф. Н. Веселов

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. f.veselov@spbu.ru

ТЫСЯЦКИЙ ДМИТР ДО И ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ КИЕВА

Создавая мировую империю, Чингисхан и его наследники выработали мобилизационные механизмы, которые позволяли удовлетворять растущие потребности в материальных и человеческих ресурсах, необходимых для этого грандиозного предприятия. Сравнительное изучение биографий иностранных военачальников, волей или неволей переходивших на службу к Великому хану в Китае, Средней Азии, на Кавказе и Ближнем Востоке, дает возможность восстановить недостающие звенья в биографии бегло упомянутого в Ипатьевской (Галицко-Волынской) летописи киевского тысяцкого Дмитра, оборонявшего Киев в 1240 г., а затем оказавшегося на службе у монголов.

Ключевые слова: Западный поход монголов, вербовка иностранных военачальников, Бату, киевский тысяцкий Дмитр

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 24-18-00407.

Авторы приносят благодарность С. В. Дмитриеву (Институт востоковедения РАН) и П. О. Рыкину (Институт лингвистических исследований РАН) за ценные советы и помощь в работе с китайскими и монгольскими источниками.

Три десятилетия назад в знаменитой академической серии «Asiatische Forschungen» увидела свет коллективная монография, посвященная изучению важнейших персоналий эпохи единой Монгольской империи и раннего периода империи Юань, изданная под общей редакцией выдающегося востоковеда Игоря де Рахевильца. Одной из задач этого фундаментального исследования было показать, что с самого начала монгольские завоевания не были только монгольским предприятием: в них участвовало огромное количество представителей самых разных народов и государств, вольно или невольно служивших главной цели имперского проекта Чингисхана, предполагавшего подчинение мира и создание универсальной империи¹.

Достижение такой цели требовало огромных усилий по мобилизации людских и материальных ресурсов. Мобилизацию можно объяснить прежде всего демографическими причинами. Во времена Чингисхана общая численность населения Монголии не превышала 700 тысяч

¹ См.: [In the Service]; исследования по соответствующей тематике продолжаются и в настоящее время, см., например: [Asiatische Studien].

человек (см.: [Мункуев, с. 394]), и этот демографический баланс означал, что для продолжения завоеваний и создания мировой империи монголы должны были максимально широко использовать ресурсы уже завоеванных и подчиненных народов.

Не меньшее значение при этом имело наличие у вновь завоеванных народов и их элит военных и административных компетенций, которыми сами монголы в должной мере не обладали и которые были необходимы для продолжения завоеваний и управления расширяющейся империей. Хотя сами монголы, очевидно, стали новой евразийской элитой, их небольшая численность по сравнению с огромной и многонаселенной территорией, которой они правили, с одной стороны, и их неопытность в управлении оседлыми государствами – с другой, привели к тому, что многие из новых подданных Чингизидов также стали частью многоэтнической имперской элиты (см.: [Biran, 2017; Biran, Kim, p. 855]).

С точки зрения монголов, капитуляция любого иностранного государства означала не просто признание военного поражения и политического подчинения, но также должна была стать залогом того, что подчинившееся государство будет активно поддерживать дальнейшие завоевания. Поэтому все побежденные народы и государства должны были предоставить свои ресурсы – людские и материальные – в распоряжение империи. Новые территориальные приобретения были важны постольку, поскольку они обеспечивали контроль над их населением и тем самым умножали человеческий капитал империи (см.: [Biran, 2004, p. 348–350]).

Вовлечение огромного количества людей, принадлежавших к различным этносам, религиям и культурам, в одно грандиозное предприятие, не имевшее равных прецедентов в истории, предопределило его впечатляющий успех. Именно период наибольшей экспансии и территориального расширения – с начала войны Чингисхана против Тангутского и Цзиньского государств и до фактического распада единой империи (1207–1260 гг.) – характеризуется наиболее активным переходом на монгольскую сторону иноплеменных специалистов – военных, дипломатов, чиновников – и их встраиванием в военно-административную систему, основанную на традиционной для кочевников децимальной иерархии.

Главным критерием, по которому осуществлялась вербовка иностранцев, была готовность верно служить Великому хану в реализации его завоевательных планов. Этим же принципом руководствовались авторы указанной выше монографии, стремясь сквозь призму личных историй раскрыть глобальные процессы, так или иначе затронувшие всю средневековую Евразию. Вместе с тем основной акцент, сделанный на изучении монгольского завоевания Китая, неоправданно сужает географический горизонт этого незаурядного исследования.

Используя выводы И. де Рахевильца и его коллег, мы будем двигаться, так сказать, в обратном направлении. Иначе говоря, на основании общих закономерностей, открытых нашими предшественниками, мы проверим, насколько общие подходы и методы, которые выработали монголы в период своих завоеваний на Востоке Евразии, применялись ими на другом конце континента, в частности при завоевании русских княжеств.

Летописные сведения о тысяцком Дмитре

В хрестоматийном рассказе Ипатьевской (Галицко-Волынской) летописи об осаде и штурме Киева монголами в конце 1240 г. особо отмечена роль местного военачальника Дмитра. Это вполне закономерно, ведь занимавший тогда киевский стол князь Даниил Романович бежал из Руси, и вся ответственность по защите днепровской столицы легла на оставшегося в городе воеводу.

Фигура Дмитра неоднократно привлекала внимание историков, иногда видевших в нем опытного боярина новгородского князя Мстислава Мстиславича Удалого, помогавшего ему ут-

вердиться в Галиче (см.: [Пашуто, с. 85; Dąbrowski, s. 297, 304, 309, 344; Jusupović, s. 135–138; Кучкин, с. 14]), или даже вероятного участника посольства галицко-волинского князя Романа Мстиславича в Константинополь в 1200 г.² Однако такие гипотезы не подкрепляются ничем, кроме совпадения имени и должности тысяцкого. Между тем если учитывать, что Дмитрий Солунский был одним из самых почитаемых святых воинов у Рюриковичей и их окружения (см.: [Турилов, с. 170]), а имянаречение в его честь широко практиковалось в военной среде, предлагаемые отождествления в отношении лиц, действовавших в разное время и в разных землях, приходится признать скорее сомнительными, чем вероятными.

Сомнительными мы считаем и некоторые другие гипотезы, связанные с тысяцким Дмитрием, в том числе предложенные в последнее время. Но главное – остаются невыясненными ключевые факты его биографии, прежде всего причины и обстоятельства его перехода на монгольскую службу. Конечно, в значительной мере это обусловлено недостатком сведений о нашем герое, предоставляемых летописью. Привлечение дополнительных источников, характеризующих монгольскую практику вербовки иностранных военачальников и формирования вспомогательных войск, позволяет, на наш взгляд, существенно уточнить и дополнить общую картину монгольского завоевания Южной Руси и, в частности, оценить роль начальника обороны ее столицы.

Согласно рассказу Ипатьевской летописи, именно князь Даниил, недавно захвативший киевский стол в борьбе с другими князьями, назначил Дмитра, верного себе человека, руководить обороной Киева: «остави в немь Дмитра, и вдасть Къевъ в руцѣ Дмитрови обьдержати противу иноплемьныхъ языкъ, безбожьныхъ Татаровъ»³. Назначенный на свой пост незадолго до прихода татар, Дмитр, весьма вероятно, был лично связан с князем Даниилом; не будучи киевлянином, он, скорее всего, мог происходить из среды верных Романовичам волинских бояр.

В начале монгольского штурма предводитель киевлян получил какое-то ранение («Дмитрови ранену бывшу»⁴) и в дальнейших боевых действиях, описанных в летописи, не был отмечен. Зато летописец упоминает Дмитра в качестве монгольского пленника, помилованного врагом. Несмотря на массовую гибель других защитников Киева и мирных жителей, начальник обороны города, мужественно бившийся с захватчиками, удивительным образом избежал всякого наказания: «Дмитръя же изведоша язвена и не убиша его мужства ради его»⁵.

Объяснение снисходительности монголов, данное летописцем, может вызвать еще большее недоумение, если учитывать, что Дмитр был помилован, несмотря на оказанное им упорное и мужественное сопротивление с оружием в руках, которое монголы обычно расценивали как тяжкое преступление. Во всяком случае, остальных защитников Киева, как и мирных жителей, ожидала совсем другая участь: «... а люди от мала и до велика вся убиша мечем», – говорит современный северорусский летописец⁶. Следы массовых убийств и разрушений в Киеве во множестве выявлены археологами: на территории средневекового города в разных местах и в разное время были найдены остатки массовых захоронений мирных жителей, умерших насильственной смертью, значительная часть которых была погребена только через несколько месяцев после гибели (см.: [Ивакин, Комар]). Из 50-тысячного населения города уцелело,

² См.: *Kronika Halicko-Wołyńska (Kronika Romanowiczów)* / Wyd. D. Dąbrowski, A. Jusupović. Kraków; Warszawa, 2017. (Monumenta Poloniae Historica. Nova Series. T. 16). S. 62–63. Przyp. 194.

³ ПСРА. М., 1998. Т. 2. Стб. 782.

⁴ Там же. Стб. 785.

⁵ Там же.

⁶ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 470.

вероятно, не более 2 тысяч, в ряде районов и в том числе в центре города, жизнь возродилась только через несколько столетий (см.: [Толочко, 1983, с. 278–279]).

Конечно, лояльный Романовичам и их ставленнику южнорусский летописец не передает полной и объективной картины случившегося, и от описания осады и штурма Киева, читающегося ныне в Ипатьевской летописи, нельзя ждать документальной точности и беспристрастности. Тем не менее в летописи сохранилась важная подробность, относящаяся к дальнейшей судьбе Дмитра, объясняющая снисходительность монголов и представляющая нашего героя в новом свете.

Спустя некоторое время после взятия Киева, когда монголы, продолжая свой путь на запад, достигли Галицко-Волынской Руси и, по-видимому, уже овладели обеими ее столицами – Владимиром-Волынским и Галичем, Дмитр вновь появляется в поле зрения летописца. Представ перед Бату, Дмитр, впервые именуемый здесь киевским тысяцким, советует предводителю Западного похода монголов не задерживаться долго в Галицко-Волынской земле, а поскорее двигаться дальше и начинать завоевание Венгерского королевства: «Дмитрови же, Кыевскому тысяцкому Данилову, рекшу Батыеви: не мози стряпати в землѣ сеи долго, время ти есть на Угры уже поити»⁷. Дмитр предупреждает Бату, что если тот задержится в западнорусских землях, венгры успеют собрать войска и перекроют путь в свою страну: «... аще ли встряпаеши, земля ти есть сиана, сберуться на тя и не пустятъ тебе в землю свою»⁸.

Очевидно, киевский тысяцкий имел в виду ландшафтные особенности русско-венгерской границы, проходившей через Карпаты: у венгров была возможность перекрыть горные перевалы и тем самым серьезно затруднить дальнейшее продвижение монгольских войск. Разумеется, в это время венгерский король Бела IV и его военачальники, имевшие значительный опыт войн с кочевниками на восточных границах страны, не сидели сложа руки, а, наоборот, активно готовились к обороне, используя в том числе естественные укрепления в горной местности (см.: [Csorba; Szabó, 2020, p. 246–247]).

Совет Дмитра, который можно оценивать как хорошо обоснованную стратегическую рекомендацию, был услышан Бату, и монгольские войска очень быстро достигли венгерской границы. Магистр Рогерий Апулийский, очевидец монгольского нашествия на Венгрию, поступивший на службу к завоевателям и даже сделавший некоторую карьеру в оккупационной администрации, свидетельствовал, что авангарды татар начали опустошать границы Венгрии, смежные с Русью, во время, «близкое к Рождеству Господню», то есть около 25 декабря 1240 г.⁹ Выходит, что на завоевание Галичины и Волыни монголы потратили совсем немного времени, пройдя эти земли за считанные недели.

Русские в авангарде армии Бату

Недавно высказано интересное предположение, что Бату пощадил раненого Дмитра, вероятнее всего, в пример другим представителям русской элиты, которые еще колебались, подчиняться ли новым хозяевам, а также с практической целью вербовки новых людей для продолжения похода. Хотя в источниках не говорится о дальнейшей судьбе Дмитра, не исключено, что именно он возглавил русские вспомогательные отряды, участвовавшие в монгольском нашествии в Центральную Европу (см.: [Узелац, с. 117]).

⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 786.

⁸ Там же.

⁹ Master Roger's Epistle to The Lament upon the Destruction of Hungary by the Tatars Written to the Reverend Lord James, Bishop of the Church of Preneste / Transl. by J. M. Bak, M. Rady // Anonymus and Master Roger. Budapest; New York, 2010. P. 156, 157; *Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами* / Пер. А. С. Досаева. СПб., 2012. С. 26.

Наши наблюдения подтверждают это предположение. С высокой вероятностью можно констатировать, что вспомогательные войска, мобилизованные в Южной и Юго-Западной Руси, составляли авангард главной монгольской армии, возглавляемой Бату и Субедеем, преодолевшей хорошо укрепленный Верецкий перевал в Карпатах и вторгшейся в Венгерское королевство ранней весной 1241 г.

Напрасно венгерский король надеялся тогда на силу своих укреплений в горах. По сообщению еще одного современника нашествия, архидиакона Фомы Сплитского, которое никогда не ставилось под сомнение, монголы выслали вперед до 40 тысяч людей, вооруженных топорами, и они сравнительно быстро на глазах у венгров прорубили проходы или разрушили все деревянные заграждения, открывая путь завоевателям¹⁰.

Уже давно замечено, что этот монгольский авангард, – чья численность могла быть преувеличена хронистом, но, несомненно, он значительно превосходил потенциал венгерской обороны, – состоял из русских, в том числе из рекрутированных жителей Галицкого Прикарпатья, хорошо знавших местность и горные дороги и ставших проводниками армии Бату (см.: [Veszprémtu, o. 386; Négyesi, o. 397; Spinei, p. 629; Узелац, с. 190]).

Конечно, это лишь предположение, но едва ли можно найти другое объяснение появлению у монголов, только что закончивших подчинение Юго-Западной Руси, большого количества вспомогательных войск, способных штурмовать пограничные укрепления венгров в труднопроходимой для степной конницы горной местности. На протяжении нескольких веков блокирование горных перевалов (особенно в зимнее время) оставалось эффективной мерой защиты восточных границ Венгерского королевства от вторжений его степных соседей (см.: [Узелац, с. 156–157]). Но то, что было не под силу степнякам, оказалось сравнительно легкой задачей для русских жителей Восточного Прикарпатья, привыкших валить лес и прокладывать дороги в горах.

Фома Сплитский сообщает также о некоем русском перебежчике, предупредившем венгров перед решающей битвой с захватчиками на реке Шайо (11 апреля 1241 г.) о готовящемся неприятелем опасном обходном маневре. Накануне сражения к венгерскому королю пришел русский перебежчик (*transfuga ex Rutenis*) и сказал ему: «Сегодня ночью татары собираются переправиться через реку и напасть на тебя. Так что будь осторожен, чтобы они не застали тебя врасплох». Экстренные меры, принятые королем, сорвали монгольскую вылазку, но не спасли венгров от общего поражения¹¹.

Из приведенного сообщения, достоверность которого обычно не ставится под сомнение (см.: [Szabó, 2007, o. 135; Font, Barabás, p. 123]), прямо следует, что в составе монгольских армий, напавших на Венгерское королевство, действовали русские войска, участвовавшие в том числе в решающей битве с венграми на реке Шайо. Скорее всего, этими войсками должен был командовать кто-то из русских военачальников, перешедших на службу к монголам. Хотя мы не можем утверждать, что таковым был именно киевский тысяцкий Дмитр, последний остается наиболее вероятным кандидатом на эту роль. Во всяком случае, Дмитр – единственный из известных по имени высокопоставленных русских военачальников, перешедших на монгольскую службу во время Западного похода. Кроме того, в битве на Шайо (как и в прорыве через Верецкий перевал) участвовали не все монгольские войска, воевавшие в Венгрии, а только одна из

¹⁰ *Archdeacon Thomas of Split. History of the Bishops of Salona and Split* / Eds. D. Karbić, M. Matijević-Sokol, J. R. Sweeney. Budapest; New York, 2006. P. 258/259; *Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита* / Вступ. ст., пер., коммент. О. А. Акимовой. М., 1997. С. 106.

¹¹ *Archdeacon Thomas of Split. History of the Bishops of Salona and Split*. P. 262/263; ср.: *Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита*. С. 107.

четырёх или пяти армий, которой непосредственно командовал Бату (см.: [Pow, p. 100–102]), чьим советником стал Дмитр.

Тысяцкий Дмитр и Иосиф Флавий

Решительный поворот в судьбе этого русского военачальника интригует новейших историков. Некоторых из них не устраивает «изумительная простота», с которой эпизод с Дмитром, как и вся история взятия Киева монголами, реконструируется в научной литературе. Обнаружив в рассказе летописца «несколько странностей», связанных с деталями, «выглядящими наиболее реалистично», и, с другой стороны, не найдя удовлетворительного объяснения поступку Дмитра в реалиях середины XIII в., они предлагают альтернативную возможность через обращение к литературной классике и получают нужный результат, претендующий на сенсацию: летописный рассказ или повесть о взятии Киева монголами структурно имитирует повествование «Иудейской войны» о взятии Иерусалима Помпеем. Пользуясь изобразительными средствами, ориентированными на переводные произведения византийской хронографической литературы, которые на Руси считали образцами исторической прозы, свой рассказ о падении Киева летописец создал в подражание Иосифу Флавию. Весь его текст как бы соткан и при соответствующем усилии со стороны критиков рассыпается на цепочки заимствований, прямых и скрытых цитат, парафразов и даже «имитаций сюжетных ситуаций» (см.: [Галицько-Волинський літопис, с. 317–318, 324]; см. также: [Толочко, 2014]).

Нетрудно заметить, что сенсации такого рода хорошо подготовлены работами отечественных литературоведов, написанными много десятилетий назад. Тем не менее следует отдать должное изобретательности наших новейших текстологов, «проникших» в суть творческого метода русского книжника XIII в. Листая переводные хронографы в поисках наиболее выразительных и подходящих случаю фрагментов, последний, по их мнению, волей-неволей должен был прочитывать весь текст, содержащийся между такими фрагментами. Поэтому нужно допускать, что кроме лексических и фразеологических заимствований летописец мог испытывать влияние также «на уровне сюжетов и композиционных схем». Воспринимая это слабо обоснованное предположение как доказанный факт, новейшие «деконструкторы» летописных текстов делают следующий вывод, столь же сенсационный, как и безответственный: сохраняя достоинства литературного произведения, летописный рассказ о взятии Киева монголами «утрачивает свойства исторического источника», ведь он возник «не из опыта и не из знания, а из чтения нескольких сцен в хронографической литературе» (см.: [Галицько-Волинський літопис, с. 318, 324–325; Толочко, 2014, с. 106, 115–116]).

Разумеется, из чтения хронографической литературы возник и ключевой персонаж обороны Киева – воевода Дмитр. Неизбежно поэтому проявляется параллелизм между сюжетной ролью этого воеводы, сначала бившегося с захватчиками, а затем пошедшего на сотрудничество с ними, и самим автором «Истории иудейской войны». Иосиф также был «воеводой» в Иотопате, защищал город, был спасен римлянами («храбрства его дела и мудрости») и, наконец, присоединился к врагам (см.: [Галицько-Волинський літопис, с. 319; Толочко, 2014, с. 108]).

Нет сомнения, что авторы представленной интерпретации отдавали отчет в ненадежности и двусмысленности ее аргументации. Упреждая возможную критику, они сами указали на главные уязвимости своих построений: основные эпизоды осады и штурма Киева монголами, будто бы заимствованные из литературной классики, вполне соответствуют реалиям своего времени и подтверждаются письменными свидетельствами, с которыми не мог быть знаком южнорусский книжник. Выясняется, что описанные им конкретные детали и общий порядок

осады Киева соответствуют осадной стратегии и тактике монголов, многократно применявшейся в различных регионах Евразии. Но каковы бы ни были обстоятельства осады, даже в случае их подлинности, они имеют слишком общий характер и не могут считаться «индивидуально киевскими». Поэтому вывод остается неизменным: текст летописного рассказа составлен много лет спустя после описанных в нем событий, и «его литературный компонент намного преобладает над историческим» (см.: [Галицько-Волинський літопис, с. 324–325; Толочко, 2014, с. 116–117]).

Однако проблема, как бы не замеченная новейшими «деконструкторами», состоит именно в том, что «индивидуально киевские» детали и обстоятельства наполняют летописное повествование, определяя его специфику. Разрушение Десятинной церкви, у которой «от тягости поваляшася с ними (укрывшимися в храме горожанами. – А. М., Ф. В.) стѣны церковныя»¹², стало финальным актом трагедии. Если бы летописец, следуя за Флавием, действительно имитировал здесь финальную сцену взятия Иерусалима, то он, конечно, написал бы о захвате киевской Софии, сакрального эквивалента иерусалимского Храма (см.: [Акентьев; Данилевский]). Для этого не пришлось бы ничего выдумывать, ведь известно, что София действительно была разграблена монголами¹³. Но именно Десятинная церковь стала местом последнего прибежища для многих киевлян¹⁴, и этот факт не мог игнорировать или переиначить русский книжник, даже будучи под влиянием Иосифа Флавия или других литературных авторитетов. Имеют значение и другие «индивидуально киевские» детали, достоверность которых получает независимое подтверждение: особенности городских укреплений, двойная линия обороны, перечень «татарских воевод», подступивших к городу, и др. (см.: [Веселов, с. 54–57, 61]).

Но особенно ненадежен и уязвим главный довод новейших текстологов, положенный в основу всей представленной ими «деконструкции». Хорошо известно, что цитаты и парафразы, выявляемые в летописном повествовании о взятии Киева монголами, как и в других подобных текстах, выполняют определенную смысловую функцию, характерную для средневековой исторической литературы и очень далекую от приписываемых летописцу литературных экспериментов в стиле постмодерна¹⁵. Все они объединены темой нашествия иноплемеников на земли Избранного народа и падения его столицы. После крещения Руси именно Киев осмысливался как «Второй Константинополь» и «Новый Иерусалим» (см.: [Ричка, с. 88–103]). Такое отождествление не было лишь художественной метафорой. В значительной мере оно основывалось на средневековой концепции иеротопии – воссоздания и переноса сакральных пространств, в частности «*translatio Hierosolymi*» (см.: [Лидов, с. 19–20; Erdeljan, p. 53–54]).

Таким же свойством обладали и события священной истории. Они воспринимались как существующие вне исторического времени и по принципу эха были способны многократно отражаться и повторяться в земной истории, в реальной жизни людей многих поколений. С точки зрения древнерусского автора, в мире существует вечная соотнесенность двух миров – божественного и земного. Земной, временный мир имеет вневременный, надмирный смысл. Смысл этот не абстрактный, не вносимый в него человеческой мыслью, а вполне конкретный, реально существующий. В случайном и временном древнерусский писатель видел знаки вечного. Срав-

¹² ПСРА. Т. 2. Стб. 785.

¹³ ПСРА. Т. 1. Стб. 470.

¹⁴ Следы сильного пожара и разрушений Десятинной церкви, связываемые с монгольским завоеванием, детально изучены археологами (см.: [Ивакин, Комар, с. 64–65, 69]).

¹⁵ Именно такой подход к летописному рассказу о взятии Киева пытается применить А. П. Толочко, уподобляя средневековый текст современному постмодернистскому роману. Историк предполагает, что летописец, подобно писателям Новейшего времени, ведет со своими читателями некую литературную игру. Предлагая «скрытое цитирование» и «имитацию образцов», летописец рассчитывает на способность читателей «распознавать заимствования, установить их происхождение и, таким образом, расшифровать “большие смыслы”, заложенные в тексте» [Толочко, 2014, с. 115–116].

нения со священной историей Ветхого и Нового Заветов помогали летописцу объяснить повторяемость событий и их смысл. Предназначение летописца состояло в том, чтобы обнаружить в событиях своего времени отпечаток вечности (см.: [Дихачев, с. 251, 260, 271; Панченко, с. 67–68]).

Одним из отголосков сакральной вечности, регулярно повторяющимся в земной истории, было Божье наказание Избранного народа за преумножение грехов, и наиболее тяжелой мерой наказания можно считать разрушение Священного града и долгое пленение иноверцами. Уже в древности пленение Иерусалима повторялось трижды, и характер включения «Истории Иудейской войны» в древнерусские хронографы говорит об интересе к ней как к описанию третьего, «конечного» разорения (см.: [Буланин, с. 52]). Несомненно, книжники XIII в. воспринимали «татарское пленение» Руси как очередное повторение суровой Божьей кары (см.: [Лаушкин, с. 163–193]), а захват и разрушение Киева слишком близко напоминали аналогичную трагедию священной истории, чтобы можно было сомневаться насчет ее очередного повторения. Для осмысления и должного описания событий такого масштаба летописцу не хватало обычных средств выражения, и по давно заведенной традиции он прибегнул к помощи высокой литературы.

Киев, Багдад и другие

Сколь заманчивой ни казалась бы перспектива уподобления Иосифу Флавию киевского воеводы Дмитра, последний был и остается реальным историческим лицом середины XIII в., чья драматическая судьба полностью соответствует реалиям своего времени.

Согласно с обычной монгольской практикой, именно Дмитр, предлагавший Бату как можно скорее атаковать Венгрию, мог быть назначен командовать русскими вспомогательными войсками, выступившими в авангарде основной монгольской армии. Подобным образом монголы поступали в отношении начальников гарнизонов и руководителей обороны других областей и городов, которые в результате сепаратных переговоров соглашались перейти на сторону завоевателей. Немало случаев такого рода известно как на Востоке, так и на Западе Евразии. Подробнее об этом мы скажем ниже, ограничившись пока наиболее красноречивыми примерами.

В начале весны 1241 г. принц Кадан, командовавший одной из монгольских армий, участвовавших в завоевании Венгерского королевства, атаковал шахтерский город Рудену (*Rudena*), или Радну (*Radna*), в горной части Трансильвании, где укрылось множество жителей близлежащей округи под защитой хорошо вооруженных немецких колонистов. Согласно магистру Рогерию, немцы поначалу оказали мужественное сопротивление и отбили атаку монголов. Однако вскоре монголы вернулись и застали защитников города врасплох. Не имея возможности продолжать сопротивление, выжившие горожане сложили оружие. Кадан сохранил жизнь предводителю обороны, комиту Арискальду (*Ariscaaldus*), который, перейдя на сторону завоевателей, вместе с 600 своими воинами присоединился к армии монголов и повел их через труднопроходимые леса и горы, отделявшие Венгрию от Трансильвании¹⁶.

Взятие Радны, расположенной вблизи крупнейших в Европе серебряных рудников, было важным событием в истории завоевания Венгерского королевства, и о нем сообщают несколько синхронных источников. Город пал 31 марта 1241 г. после кровопролитного штурма, когда

¹⁶ Master Roger's Epistle to The Lament upon the Destruction of Hungary by the Tatars Written to the Reverend Lord James, Bishop of the Church of Preneste. P. 164/165–166/167; *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. С. 30–31; обстоятельный комментарий см.: *Der Mongolensturm: Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen, 1235–1250 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von H. Göckenjan, J. R. Sweeney*. Graz; Wien; Köln, 1985. S. 204–205. Anm. 105–111.

были убиты 4 тысячи человек с венгерской стороны¹⁷. Сообщение Рогерия о начальнике оборонного города также находит подтверждение в независимых источниках. В одной из грамот венгерского короля Бела IV (сохранившейся в поздней копии, но первоначально изданной в 1243 г.), упоминается ишпан (комит) Радны Геристольда (*Herystoldus*), ранее (до 1241 г.) получивший от короля земельное пожалование. Поскольку во время вражеского нашествия соответствующий документ был утрачен, а его обладатель умер, король новым актом подтверждал свою волю и передавал выморочное владение братьям, сыновьям и другим родственникам Геристольда¹⁸. Исследователи уверенно отождествляют последнего с Арискальдом Рогерия (см.: [Györffy, o. 562–563; Узелац, с. 194–195]).

Подобно киевскому тысяцкому Дмитру, начальник обороны Радны перешел на службу к монголам в обмен на сохранение своей жизни и статуса. Получив должность командира вспомогательного подразделения в армии завоевателей, состоявшего из 600 бойцов, уцелевших в сражениях с монголами, Арискальд/Геристольд действовал в авангарде наступающей армии Кадана и через некоторое время умер или погиб при неизвестных обстоятельствах. Его подразделение по своей численности было вполне сопоставимо с киевской «тысячей», которой командовал воевода Дмитр.

Предложения о добровольной капитуляции и переходе на свою сторону монголы отправляли в адрес начальников любых городов и крепостей, в том числе руководителей обороны крупнейших мировых столиц. По сообщению Рашид ад-Дина, во время осады Багдада Хулагу лично предложил сдаться и перейти на монгольскую службу главнокомандующему армией халифа, даватдару Муджахид ад-Дину, а также эмиру Сулейман-шаху, передав им через своих посланников охранные обязательства в виде ярлыка и пайцзы. Когда названные лица прибыли в монгольский лагерь, Хулагу приказал им вернуться в осажденный город, чтобы вывести из него своих людей и, присоединившись к основной монгольской армии, отправиться затем в поход на Сирию и Египет. Только неблагоприятное стечение обстоятельств помешало осуществить этот план¹⁹.

Достоверность приведенного сообщения подтверждается свидетельством более раннего источника, недавно введенного в научный оборот. Согласно анонимной хронике правления первых Хулагуидов, датируемой 1281–1285 гг. и ставшей одним из источников для Рашид ад-Дина²⁰, предложение Хулагу распространялось на всех командиров окруженной в Багдаде армии халифа, все или большинство подразделений которой после перехода на сторону монголов планировалось использовать в предстоящем походе на Сирию²¹.

Советник Бату

Тысяцкий Дмитр, как мы уже видели, не только пережил штурм Киева, но и оказался затем доверенным советником Бату, участвовавшим в планировании завоевательного похода против Венгерского королевства и, вероятно, в самом походе. Сказанное ведет нас к очевидному выводу: на каком-то этапе переговоров с захватчиками Дмитр подчинился их требованиям, перешел на монгольскую службу и стал активным участником дальнейших завоеваний. Воз-

¹⁷ *Annales Frisacenses* / Ed. L. Weiland // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Hannover, 1879. T. 24. P. 65; *Continuatio Sancrucensis II* / Ed. W. Wattenbach // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Hannover, 1851. T. 9. P. 640.

¹⁸ Erdélyi okmánytár. Budapest, 1997. T. 1. (1023–1300) / Ed. Zs. Jakó. P. 188. No. 196.

¹⁹ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. М.; Л., 1946. Т. 3 / Пер. А. К. Арндса. С. 43; Rashiduddin Fazlullah's *Jami' u't-tawarikh: Compendium of Chronicles. A History of the Mongols* / Transl. and annot. W. M. Thackston. Cambridge, MA, 1998–1999. P. 497.

²⁰ Об этой хронике см.: [Pourjavadi, Schmidtke].

²¹ Lane G. *The Mongols in Iran*. Qutb Al-Din Shirazi's Akhbar-i Moghulan. London; New York, 2018. P. 55.

можно, это произошло в обстановке уже начавшегося монгольского штурма, когда начальник обороны Киева получил какое-то ранение.

Достоверной датой взятия Киева монголами мы считаем 6 декабря 1240 г. (см.: [Маіоров, 2016]). Следовательно, тысяцкий Дмитр совещался с Бату уже через считанные дни после падения столицы Южной Руси, во время стремительного продвижения монгольских войск через земли Галичины и Волыни. Значит, если Дмитр и был ранен при штурме Киева, это ранение не могло быть слишком тяжелым – настолько, чтобы начальник обороны города не мог более сопротивляться захватчикам. Как бы то ни было, Дмитр очень быстро вернулся в строй и продолжил участие в боевых действиях, но уже на стороне монголов.

Тот факт, что Дмитр, совещаясь с Бату, пользовался званием тысяцкого, характеризует его как командира воинского соединения – тысячи или мингана, – вошедшего в состав монгольской армии. Правда, летописец именует Дмитра «киевским тысяцким Даниила»²², и внешне это выглядит как отсылка к его прежнему званию или должности. Однако общий анализ монгольской практики вербовки иностранных военачальников и формирования вспомогательных войск (подробнее см. ниже) склоняет нас к выводу, что Дмитр, перейдя на службу к монголам, был поставлен во главе соответствующего подразделения монгольской армии. Подобным образом монголы регулярно поступали с иностранными военачальниками, переходившими на их сторону. Причем перебежчики часто командовали вспомогательными подразделениями, набранными из их соплеменников и воевавшими против других своих соплеменников, не подчинившихся монголам (см.: [Майоров, 2024]).

К примеру, включенные в монгольскую армию в качестве вспомогательных сил отряды аланов принимали участие в завоевании в том числе тех городов и областей своей собственной страны, которые не подчинились монголам. В «Юань ши» (китайская официальная история династии Юань) вошли жизнеописания некоторых аланских правителей и военачальников, имевших важные заслуги перед Великим ханом, в том числе биография военачальника, именуемого Батуром, перешедшего к монголам вместе со своими братьями. Один из братьев Батура участвовал затем в осаде Магаса – столицы Кавказской Алании, – командуя авангардом, и, будучи дважды ранен, продолжал сражаться, пока не взял город²³.

Практику использования оседлых жителей одной страны или области друг против друга монголы выработали во время завоевания Северного Китая и затем широко применяли при завоевании Средней Азии и других регионов, избегая тем самым тяжелых потерь в своей основной армии, неизбежных при штурме больших и хорошо укрепленных городов. По-видимому, подобную практику монголы переняли у правителей Китая, скорректировав и приспособив ее к задачам своей завоевательной стратегии: китайские власти издревле стремились привлекать на свою сторону и даже принимали на государственную службу по охране границ империи соседних кочевников, чтобы использовать их в борьбе с другими кочевниками (см.: [Smith, p. 332 f.]).

Едва ли можно сомневаться, что такая судьба была уготована и побежденным русским князьям, а также жителям русских земель и городов, завоеванных монголами. Сохранившиеся источники прямо указывают на это. Молодой ростовский князь Василько Константинович, попавший во вражеский плен после поражения русских войск на реке Сити (4 марта 1238 г.), получил предложение перейти на военную службу к монголам и был казнен за твердый отказ

²² ПСРА. Т. 2. Стб. 786.

²³ Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» // Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). М., 2009. Т. 3. Китайские и монгольские источники / Сост., пер. и коммент. Р. П. Храпачевского. С. 246.

«быти въ ихъ воли и воевати с ними (то есть на их стороне. – А. М., Ф. В.)»²⁴. По всей видимости, подобное предложение получили также рязанские князья, прибывшие на мирные переговоры с Бату ранней осенью 1237 г., и, отвергнув его, погибли в неравном бою с захватчиками²⁵.

Разумеется, не все русские князья и военачальники были готовы к такому самопожертвованию. Брат Иоанн (Джованни дель Плано Карпини), глава посольства римского папы Иннокентия IV к монголам, утверждает, что при ставке Великого хана он нашел множество русских, которые были с монголами «и в войнах, и в других обстоятельствах» в течение многих лет – «некоторые двадцать, некоторые десять, некоторые больше, некоторые меньше»²⁶. Поскольку при ханской ставке папский посланник находился летом – осенью 1246 г., русские, которых он там встретил, должны были попасть к монголам не только во время Великого Западного похода, но и раньше, начиная с первого столкновения в битве на реке Калке (31 мая 1223 г.). Очевидно, среди этих русских были и военачальники, перешедшие на службу монголам.

Спасая репутацию Дмитра, верного слуги Даниила Романовича, придворный летописец объясняет его сотрудничество с захватчиками желанием поскорее увести монгольские войска из Русской земли, чтобы избавить ее от полного разорения: Дмитрий стал советником Бату, «види бо землю гибнущу Рускую от нечестиваго»²⁷. Хотя в летописи нет даже намека на то, чтобы Дмитрий, поставленный защищать Киев, сделал что-нибудь для облегчения судьбы столицы Южной Руси, все же можно допустить, что его действительно заботила судьба западнорусских земель – Волыни и Галичины – главных владений Романовичей. По совету ли Дмитра, или в силу каких-то других причин войска захватчиков очень быстро прошли через эти территории, оставив нетронутой новую столицу Даниила Романовича – город Холм.

Поведение киевского тысяцкого коррелирует с позицией его недавнего сюзерена, князя Даниила, и других Романовичей, сделавших все возможное, чтобы уклониться от прямого столкновения с завоевателями. Несомненно, быстрое продвижение монголов по западнорусским землям было следствием политики местных князей, заблаговременно бежавших из Руси и фактически бросивших на произвол судьбы не только Киев, но также Галичину и Волынь (см.: [Майоров, 2015]). В этом отношении поведение Романовичей заметно отличается от позиции их главного соперника в борьбе за Киев и Галич, черниговского князя Михаила Всеволодовича, казненного по приказу Бату за попытку участия в вооруженном сопротивлении монголам (см.: [Maiorov, 2017])²⁸.

Несмотря на повышенный интерес к личности тысяцкого Дмитра, обстоятельства его плена и дальнейшей судьбы, включая переход на монгольскую службу, до сих пор еще не вполне оценены исследователями и, более того, вообще как бы выпадают из сферы их внимания. Конечно, свою роль в этом играет давно установившаяся в отечественной историографии традиция описывать оборону Киева, как и других русских городов, в контексте героического сопротивления иноземным захватчикам. Нельзя отрицать, что для такого подхода в целом есть

²⁴ ПСРА. Т. 1. Стб. 465.

²⁵ ПСРА. М., 2000. Т. 3. С. 74–75; подробнее см.: [Майоров, 2021].

²⁶ *Иоанн де Плано Карпини*. История монголов / Под ред. А. А. Горского и В. В. Трепавлова. М., 2022. С. 117, 186.

²⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 786.

²⁸ Предложенная нами ранее историческая реконструкция монгольского завоевания Южной Руси и взаимоотношений с монголами князя Даниила Галицкого вызвала резкие возражения украинских исследователей (см., например: [Толочко, 2020]). Свои контраргументы наши критики строят почти исключительно на показаниях Ипатьевской (Галицко-Волынской) летописи, хотя, как кажется, отдают себе отчет в том, что ее сведения неполны, противоречивы и ненадежны в силу очевидной политической ангажированности. По нашему убеждению, воссоздание более полной и объективной картины монгольского нашествия на Русь возможно только при условии использования более широкого круга летописных текстов, а также данных иностранных источников, характеризующих общую завоевательную стратегию и мобилизационные технологии, используемые монголами в период великих завоеваний.

немало объективных оснований в источниках. Однако деятельность киевского тысяцкого, по-видимому, представляет собой пример совершенно иного рода.

Если не иметь в виду курьезную гипотезу о тождестве Дмитра с его литературным прототипом – Иосифом Флавием, до сих пор не разъяснен вопрос, каким образом пленный военачальник, руководитель обороны главного города русских, мог стать военным советником предводителя Западного похода, при том что рекомендации бывшего киевского воеводы оказали заметное влияние на дальнейший ход кампании. Примеры из истории монгольских завоеваний в различных частях Евразии, которые мы рассмотрим далее, показывают, что подобное было не только возможным, но и вполне закономерным следствием перехода побежденных иностранных военачальников на службу к Великому хану.

Служба Великому хану

Известны многочисленные факты, свидетельствующие о том, что монголы проявляли особое отношение к пленным военачальникам и другим специалистам, ранее служившим их противникам. Почти всегда таким лицам предлагалась реальная альтернатива: погибнуть в бою (в плену) или перейти на службу к Великому хану. Некоторые предпочитали смерть, но многие, если не большинство, выбирали вторую возможность, тем более что в этом случае монголы не только сохраняли их прежний статус, но иногда заметно повышали его.

Китайские чиновники и военачальники, а также представители других народов, ранее служившие империи Цзинь, начали переходить на сторону Темучжина еще до того, как он был провозглашен Великим ханом и принял новое имя Чингисхан (см.: [Togan, p. 74]). Около 1197 г. братья Елюй А-хай и Елюй Ту-хуа, представители киданьской служилой элиты, защищавшей цзиньскую границу от северных варваров, перешли на сторону предводителя монголов. Младший из братьев, Ту-хуа, ранее командовавший цзиньским гарнизоном в Хуаньчжоу, вместе со своими подчиненными был принят в гвардию Темучжина. С 1217 г. он командовал вспомогательными войсками, набранными из ханьцев, киданей и других оседлых жителей Северного Китая, имея в своем подчинении трех тысячников, также переметнувшихся от Цзинь к монголам. В дальнейшем оба брата, сыгравшие важную роль в завоевании Китая, заняли ведущие позиции в оккупационной администрации (см.: [Buell; Kolbas, p. 32–33]).

Чингисхан и его полководцы всячески способствовали переходу бывших слуг цзиньского императора на сторону монголов, назначая перебежчиков на высокие военные и гражданские посты. Перешедший к монголам киданьский военачальник Уяр (Уер) был повышен в должности и поставлен командовать 10-тысячным корпусом, набранным из каракитаев. Как и упомянутый выше Ту-хуа, Уер командовал крупными формированиями черига при завоевании Северного Китая, а затем участвовал в завоевании Кореи (см.: [Martin, p. 206, 208, 209 f.; Henthorn, p. 105]).

Чем более успешно развивалось монгольское завоевание, тем большее число китайских, киданьских и чжурчженьских чиновников и генералов, включая начальников гарнизонов и командующих целыми армиями, переходило на сторону Чингисхана (см.: [De Rachewiltz, p. 104–106]). В 1213 г. генерал Ши Бинчжи во главе армии в несколько тысяч человек сдался одному из представителей Мукали, знаменитого монгольского полководца, фактически руководившего подчинением Северного Китая. Вместе со своими родственниками Ши Бинчжи получил новые высокие должности. Его младший брат Цзиньдао и старший сын Тянь-ни стали тысячниками, а младший сын Тяньцзе со временем стал одним из самых известных монгольских полководцев китайского происхождения и сыграл важнейшую роль в окончательном завоевании не только Северного, но и Южного Китая (см.: [Hsiao, 1993a]).

Мукали сдался еще один цзиньский военачальник, тысячник Го Бао-юй. Представленный Чингисхану, он произвел благоприятное впечатление своими смелыми и практичными ответами, сохранил звание тысячника и был поставлен командовать подразделением метательных машин. В дальнейшем Го Бао-юй участвовал в кампаниях против государства каракитаев и Хорезмийской империи, а также в походе Джебе и Субедея в Восточную Европу в 1220–1223 гг. (см.: [Кычанов, с. 164; Hodous, p. 29]).

В результате многочисленных измен цзиньских генералов и новых мобилизаций, проведенных оккупационными властями, 100-тысячная армия Мукали, оставшаяся в Северном Китае после ухода основных войск Чингисхана далее на запад, только на четверть состояла из монгольских воинов, тогда как три четверти ее составляли вспомогательные войска, набранные из местного населения (см.: [Allsen, p. 358]).

Выработанная в Китае практика, способствовавшая переходу на службу к монголам военачальников противника вместе с подчиненными им войсками, усиливавшими армию завоевателей, применялась затем в других странах. С неизменным успехом она использовалась в Корее. В 1231 г. армия монголов под предводительством Саригая (Сартак-корчи) вторглась в королевство Корё, пересекла реку Амноккан и осадила город Хамсин-чин. После угрозы тотального уничтожения жителей начальник местного гарнизона Чо Сукчанг прекратил сопротивление. Перейдя на сторону монголов, он стал посредником в переговорах с правителями Корё (см.: [Henthorn, p. 61]). Монголам сдался и перешел к ним на службу еще один корейский военачальник, тысячник Хон Погвон, командовавший гарнизоном в Инджу. В дальнейшем он стал главным военным и гражданским администратором на захваченных монголами северных территориях и фактически руководил военными операциями против армий Корё. В награду за многочисленные заслуги перед Великим ханом Хон Погвон получил золотую пайцзу (см.: [Henthorn, p. 61; Robinson, p. 28]).

Завоевательные технологии, отработанные на Востоке, монголы последовательно применяли с самого начала наступления на Запад, добиваясь перехода на свою сторону вассалов и военных слуг своих главных противников. Подобная практика, расширявшаяся от года к году, давала не менее значительный эффект, чем громкие победы на поле боя, одержанные ценой большого кровопролития.

Еще до начала вторжения монгольских армий в Каракитайское ханство (Западное Ляо) его вассалы стали переходить на сторону Чингисхана. Первым среди них был *идикут* уйгурского государства Кочо, Барчук Арт Тегин. Воспользовавшись убийством каракитайского наместника, весной 1209 г. он принял сторону монголов, получил в жены дочь Чингисхана и был объявлен его сыном. В дальнейшем Барчук командовал уйгурским туменом, действовавшим против Каракитайского ханства и Хорезмийской империи (см.: [Biran, 2005, p. 74–75; Brose, p. 76, 83]).

Начавшие войну с хорезмшахом и достигшие района Амударьи, монголы, по свидетельствам средневековых хронистов, захватили большое количество пленных как в сельской местности, так и в городах. Первоначально этих пленных, именуемых *хашар* (*хашри*), захватчики толпой гнали перед собой, используя как «пушечное мясо» при штурме других городов и укреплений²⁹. Однако вскоре монголы перешли к модели, выработанной в Северном Китае, и стали использовать местные войска и военачальников в качестве вспомогательных частей своей армии. Разумеется, этому способствовали массовые дезертирства, растущие по мере поражений армии хорезмшаха.

²⁹ The History of the World-Conqueror by Juvaini / Transl. J. A. Boyle. Manchester, 1958. Vol. 1–2. P. 83–84, 91–92, 101–102; Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насафи. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Ред., пер., предисл. и коммент. З. М. Буниятова. М., 1996. С. 92.

Одним из первых на сторону монголов перешел Бадр ад-Дин ал-Амид, наместник хорезмшаха в Отраре, раскрывший секретные сведения относительно военного потенциала и возможностей обороны своей страны³⁰ (см.: [Бартольд, с. 474–475; Jackson, p. 86–87, 90]). Значительная часть войск хорезмшаха перешла на сторону монголов после подчинения Бухары³¹. Показателен пример одного из военачальников в Хоросане, который, перейдя на сторону монголов, был повышен в звании и поставлен во главе подразделения, состоявшего из пехоты и катапулт³². Мобилизации в монгольскую армию на территориях Средней Азии и Ирана, ранее входивших в состав Хорезмийской империи, быстро приобрели систематический характер, и через некоторое время вспомогательные силы, набранные из местного населения, составляли бóльшую часть монгольской армии и в этом регионе (см.: [Manz, p. 11–14]). Должности командиров вспомогательных частей и военных администраторов замещали перешедшие на монгольскую службу бывшие вассалы поверженного хорезмшаха (см.: [Бартольд, с. 476, 480; Manz, p. 16–17, 20]).

Во время завоевания Кавказа (1235–1240 гг.) Чормаган и другие представители Великого хана также делали ставку на привлечение на свою сторону местных правителей и военачальников, ранее признававших себя вассалами грузинских царей или сельджукских султанов (см.: [Bedrosian, p. 178–179]). Первым среди вассалов грузинской царицы Русудан на сторону монголов перешел атабек Аваг, представитель знатного рода Закарян³³. Присоединившись к монгольской армии, Аваг со своим воинским контингентом участвовал в дальнейших завоеваниях на Кавказе и фактически стал монгольским наместником в Армении (см.: [Dashdondog, p. 73–74]).

Позднее, во время завоевания Ближнего Востока армией ильхана Хулагу, практически все младшие принцы Айюбиды, вассалы египетского султана, с энтузиазмом присоединились к монголам, преследуя личные выгоды и способствуя утверждению власти завоевателей над новым регионом (см.: [Amitai, p. 134–135]; см. также: [Humphreys, p. 309–363]). В ходе битвы за Алеппо монголам сдался начальник цитадели, Фахр ад-Дин Ийяс аль-Сахи, позднее назначенный военным администратором в том же городе. Такая же судьба была у командира цитадели в Хаме, Муджахида ад-Дин Каймаза, и айюбидского губернатора Баальбека. Сдавшись монголам, оба они перешли к ним на службу и сохранили свои прежние должности под властью новых хозяев (см.: [Amitai, p. 132–133]).

Переходя на службу к монголам, местные правители и военачальники руководствовались различными мотивами – от благородного стремления спасти жителей своих земель и городов до корыстного поиска личной выгоды. По-разному происходил и процесс «вербовки». Некоторые предпочитали сдать без боя и заблаговременно начинали сепаратные переговоры с монголами. В то же время известны примеры, напоминающие историю нашего главного героя – киевского тысяцкого Дмитра. Таковы цзиньские военачальники Лю Минь, Хао Хэсань, Дун Цзюнь, Чжан Жоу и некоторые другие, попавшие в плен к монголам непосредственно в ходе боевых действий (см.: [De Rachewiltz, p. 106, note 5; Hsiao, 1993c, p. 621]).

Показателен пример Чжан Жоу (Дэ-гана). В 1218 г. его отряд был разбит в сражении с одним из подразделений армии Мукали. Упорно сопротивлявшийся захватчикам, цзиньский офицер был взят в плен только после того, как был убит его боевой конь. Впечатленный храбростью Чжан Жоу, монгольский военачальник предложил ему перейти на сторону победителей с сохранением командной должности и жизнью всех боеспособных воинов его отряда. Пере-

³⁰ Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 77–78.

³¹ Там же. С. 83.

³² Там же. С. 93.

³³ Киракос Гандзакец. История Армении / Пер., предисл. и коммент. А. А. Ханларян. М., 1976. С. 163–165.

йдя на службу к монголам, Чжан Жоу участвовал в завоевании Северного и Южного Китая, а также исполнял различные военно-административные должности на завоеванных территориях, закончив свою карьеру в ранге темника и получив золотую пайцу от хана Угэдея (см.: [Hsiao, 1993b]).

* * *

Таким образом, монголы проявляли особое уважение к статусу и опыту иностранных военачальников, предлагая им переход на службу к Великому хану, как правило, в соответствующей должности или звании. Для перебежчика это означало не только сохранение жизни, но и приобщение к новой имперской элите, новые карьерные возможности, более высокий социальный и материальный статус. Обычно вербовка происходила до начала активных боевых действий, но возможность перехода на монгольскую службу нередко предоставлялась уже побежденным и пленным противникам. Тем самым монголы компенсировали постоянную потребность в новых опытных военачальниках и войсках, увеличивавших их боевой потенциал и обеспечивавших возможность дальнейших завоеваний. Такова была общая стратегия монгольских войн, выработанная задолго до завоевания Руси.

Хотя монгольские правители всегда оценивали личные качества своих новых слуг, в особенности храбрость и мужество, главным из них считалась готовность верно служить Чингизидам. Доказательством этого должно было стать участие в дальнейших завоеваниях на командных должностях во вспомогательных подразделениях монгольской армии, набранных из своих соотечественников. В качестве военных советников и боевых командиров новым слугам хана часто приходилось воевать на территории своей страны против своих бывших сюзеренов. Во время осады больших городов монголы стремились установить контакты с начальниками обороны и предложить им свои условия капитуляции. Рассмотренные выше случаи показывают, что этот прием успешно применялся во всех регионах Евразии, завоеванных монголами. Киев, как и другие русские города, не был и не мог быть исключением.

Литература

- Акентьев К. К. Мозаики Киевской Св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Византиноведение. СПб., 1995. Т. 1. С. 75–94.
- Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. 760 с.
- Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен, 1991. 465 с.
- Веселов Ф. Н. Падение Иерусалима и Повесть о взятии Киева в 1240 году: литература и история // Русская литература. 2023. № 2. С. 51–62. DOI 10.31860/0131-6095-2023-2-51-62
- Галицько-Волинський літопис: текстологія / За ред. О. П. Толочко. Київ, 2020. 929 с.
- Данилевский И. Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей. Человек в истории – 1998. Личность и общество: проблемы самоидентификации. М., 1999. С. 134–150.
- Ивакин Г. Ю., Комар А. В. После катастрофы: Киев в 1241 г. // Stratum plus. 2016. № 5. С. 59–72.
- Кучкин В. А. Тысяцкие в Киевском княжестве в XI–XIII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 5–16.
- Кычанов Е. И. Сведения «Юань Ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1999. Вып. 18. С. 160–169.
- Лаушкин А. В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. 304 с.
- Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 9–31.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. 352 с.

- Майоров А. В. Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы // Русин. 2015. № 1 (39). С. 11–24.
- Майоров А. В. Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 3. С. 124–199. DOI 10.22394/2412-9410-2021-7-3-124-199
- Майоров А. В. Русские войска в армии монголов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024 (в печати).
- Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 377–408.
- Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. 462 с.
- Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. 329 с.
- Ричка В. М. Київ – Другий Єрусалим. Київ, 2005. 243 с.
- Толочко А. П. Взятие Киева монголами: источники летописного описания // Palaeoslavica. 2014. Vol. 22. No. 2. P. 101–118.
- Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. 328 с.
- Толочко П. П. Даниил Галицкий и нашествие Батыя на Южную Русь в работах петербургских историков // Ruthenica. 2020. Т. 16. С. 125–135.
- Турилов А. А. Димитрий Солунский. Почитание у южных славян и на Руси // ПЭ. М., 2007. Т. 15. С. 168–174.
- Узелац А. Од Урала до Цариграда. Монголски поход на Европу (1236–1243). Београд, 2023. 413 с.
- Allsen T. The Rise of the Mongolian Empire and Mongolian Rule in North China // The Cambridge History of China. Cambridge, 1994. Vol. 6. P. 321–413.
- Amitai R. Mongol Provincial Administration: Syria in 1260 as a Case-study // In Laudem Hierosolymitani: Studies in Crusades and Medieval Culture in Honour of B. Z. Kedar. Aldershot, 2007. P. 117–143.
- Asiatische Studien. 2017. Vol. 71. No. 4. In the Service of the Khans: Elites in Transition in Mongol Eurasia.
- Bedrosian R. The Turco-Mongol Invasions and the Lords of Armenia in the 13th – 14th Centuries. PhD Dissertation. Columbia University, 1979. iv, 316 p.
- Biran M. The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire // Medieval Encounters. 2004. Vol. 10. No. 1–3. Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries. P. 338–361.
- Biran M. The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: Between China and the Islamic World. Cambridge, 2005. xvi, 279 p.
- Biran M. Introduction // Asiatische Studien. 2017. Vol. 71. No. 4. In the Service of the Khans: Elites in Transition in Mongol Eurasia. P. 1051–1057.
- Biran M., Kim H. The Mongol Empire, Nomadic Culture, and World History // The Cambridge History of the Mongol Empire. Cambridge, 2023. Vol. 1. P. 852–876.
- Brose M. C. Subjects and Masters: Uyghurs in the Mongol Empire. Washington, 2007. xv, 348 p.
- Buell P. D. Yeh-lu A-hai (ca. 1151–1223), Yeh-lu T'u-hua (d. 1231) // In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300). Wiesbaden, 1993. P. 112–121.
- Csorba Cs. A tatárjárás és a kunok magyarországi betelepülése // Emlékkönyv a Túrkevei Múzeum fenállásnak 30. évfordulójára. Túrkeve, 1981. O. 38–61.
- Dashdondog B. The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden; Boston, 2011. IX, 267 p.
- Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012. 538 s.
- De Rachewiltz I. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1966. No. 9. P. 88–144.
- Erdeljan E. Chosen Places. Constructing New Jerusalems in Slavia Orthodoxa. Leiden; Boston, 2017. XI, 264 p.
- Font M., Barabás G. Coloman, King of Galicia and Duke of Slavonia (1208–1241). Medieval Central Europe and Hungarian Power. Leeds, 2019. xvi, 143 p.
- Györffy Gy. Az Árpád-kori Magyarország Történeti Földrajza. Budapest, 1987. 646 o.
- Henthorn W. E. Korea. The Mongol Invasions. Leiden, 1963. XII, 252 p.
- Hodous F. Guo Kan: Military Exchanges between China and the Middle East // Along the Silk Roads in Mongol Eurasia. Generals, Merchants, Intellectuals. Oakland, 2020. P. 27–43.

- Hsiao S. Shih T'ien-Tse // In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300). Wiesbaden, 1993. P. 27–45. [Hsiao, 1993a]
- Hsiao S. Chang Jou // In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300). Wiesbaden, 1993. P. 46–59. [Hsiao, 1993b]
- Hsiao S. The Tung brothers: Nung Wen-Ping, Tung Wen-Yung, Tung Wen-Chung // In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300). Wiesbaden, 1993. P. 621–645. [Hsiao, 1993c]
- Humphreys R. S. From Saladin to the Mongols. The Ayyubids of Damascus, 1193–1260. New York, 1977. XI, 510 p.
- In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300). Wiesbaden, 1993. 808 p.
- Jackson P. The Mongols and the Islamic World. From Conquest to Conversion. New Heaven; London, 2017. XXII, 614 p.
- Jusupović A. Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów [1205–1269]. Studium prozopograficzne. Kraków, 2013. 352 s.
- Kolbas J. The Mongols in Iran. Chingiz Khan to Uljaytu 1220–1309. London; New York, 2006. xv, 414 p.
- Maierov A. V. The Mongolian Capture of Kiev: The Two Dates // Slavonic and East European Review. 2016. Vol. 94. No. 4. P. 702–714.
- Maierov A. V. Prince Mikhail of Chernigov: From Maneuverer to Martyr // Kritika. 2017. Vol. 18. No. 2. P. 237–256.
- Manz B. F. Nomads and Regional Armies in the Middle East // Nomad Military Power in Iran and Adjacent Areas in the Islamic Period. Wiesbaden, 2015. P. 1–28.
- Martin H. D. The Rise of Chingiz Khan and his Conquest of North China. Baltimore, 1950. xvii, 360 p.
- Négyesi L. A muhi csata, 1241. április 11 // A tatárjárás. Budapest, 2003. O. 394–406.
- Pourjavady R., Schmidtke S. The Quṭb al-Dīn al-Shirāzī (d. 710/1311) Codex (Ms. Mar'ashī 12868) // Studia Iranica. 2007. Vol. 36. Iss. 2. P. 279–301.
- Pow S. Mongol Inroads into Hungary in the Thirteenth Century: Investigating Some Unexplored Avenues // The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe. London; New York, 2021. P. 98–118.
- Robinson D. Empire's Twilight: Northeast Asia under the Mongols. Cambridge, MA, 2009. XIV, 442 p.
- Smith J. M. Demographic Considerations in Mongol Siege Warfare // Archivum Ottomanicum. 1993. Vol. 13. P. 329–334.
- Spinei V. The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century / Transl. D. Bădulescu. Amsterdam, 2006. 546 p.
- Szabó J. A tatárjárás. A mongol hódítás és Magyarország. Budapest, 2007. 204 o.
- Szabó J. B. The Hungarian View of the Battle of Muhi (April 11, 1241): A New Interpretation of Historiographic Traditions // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 2. С. 243–257. DOI 10.22378/2313-6197.2020-8-2.243-257
- Togan I. The Early Mongol State // The Mongol World. London; New York, 2022. P. 68–86.
- Veszprémy L. Újabb szempontok a tatárjárás történetéhez // A tatárjárás. Budapest, 2003. O. 384–394.

References

- Akent'ev, K. K. Mozaiki Kievskoi Sv. Sofii i "Slovo" mitropolita Ilariona v vizantiiskom liturgicheskom kontekste [Mosaics of St. Sophia of Kiev and the "Word" of Metropolitan Hilarion in the Byzantine Liturgical Context]. In *Vizantinorossika*. Saint Petersburg, 1995. Vol. 1. Pp. 75–94.
- Allsen, T. The Rise of the Mongolian Empire and Mongolian Rule in North China. In *The Cambridge History of China*. Cambridge, 1994. Vol. 6. Pp. 321–413.
- Amitai, R. Mongol Provincial Administration: Syria in 1260 as a Case-study. In *In Laudem Hierosolymitani: Studies in Crusades and Medieval Culture in Honour of B. Z. Kedar*. Aldershot, 2007. Pp. 117–143.
- Asiatische Studien. 2017. Vol. 71. No. 4. In the Service of the Khans: Elites in Transition in Mongol Eurasia.
- Bartold, V. V. Sochineniya [Works]. Moscow, 1963. Vol. 1. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya [Turkestan in the Period of the Mongol Invasion]. 760 p.

- Bedrosian, R. The Turco-Mongol Invasions and the Lords of Armenia in the 13th – 14th Centuries. PhD Dissertation. Columbia University, 1979. iv, 316 p.
- Biran, M. The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire. In *Medieval Encounters*. 2004. Vol. 10. No. 1–3. Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries. Pp. 338–361.
- Biran, M. The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: Between China and the Islamic World. Cambridge, 2005. xvi, 279 p.
- Biran, M. Introduction. In *Asiatische Studien*. 2017. Vol. 71. No. 4. In the Service of the Khans: Elites in Transition in Mongol Eurasia. Pp. 1051–1057.
- Biran, M., Kim, H. The Mongol Empire, Nomadic Culture, and World History. In *The Cambridge History of the Mongol Empire*. Cambridge, 2023. Vol. 1. Pp. 852–876.
- Brose, M. C. Subjects and Masters: Uyghurs in the Mongol Empire. Washington, 2007. xv, 348 p.
- Buell, P. D. Yeh-lu A-hai (ca. 1151–1223), Yeh-lu T'u-hua (d. 1231). In *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Wiesbaden, 1993. Pp. 112–121.
- Bulanin, D. M. Antichnye traditsii v drevnerusskoi literature XI–XVI vv. [Ancient Traditions in Old Russian Literature of the 11th – 16th Centuries]. Munich, 1991. 465 p.
- Csorba, Cs. A tatárjárás és a kunok magyarországi betelepülése. In *Emlékkönyv a Túrkevei Múzeum fennállásnak 30. évfordulójára*. Túrkeve, 1981. O. 38–61.
- Danilevskii, I. N. Mog li Kiev byt' Novym Ierusalimom? [Could Kiev Be the New Jerusalem?]. In *Odissei. Chelovek v istorii – 1998. Lichnost' i obshchestvo: problemy samoidentifikatsii*. Moscow, 1999. Pp. 134–150.
- Dashdondog, B. The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden; Boston, 2011. ix, 267 p.
- Dąbrowski, D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012. 538 s.
- De Rachewiltz, I. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period. In *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1966. No. 9. Pp. 88–144.
- Erdeljan, E. Chosen Places. Constructing New Jerusalems in Slavia Orthodoxa. Leiden; Boston, 2017. XI, 264 p.
- Font, M., Barabás, G. Coloman, King of Galicia and Duke of Slavonia (1208–1241). Medieval Central Europe and Hungarian Power. Leeds, 2019. xvi, 143 p.
- Galits'ko-Volins'kii litopis: tekstologiya [Galician-Volhynian Chronicle: Textual Criticism]. Ed. O. P. Tolochko. Kiev, 2020. 929 p.
- Györffy, Gy. Az Árpád-kori Magyarország Történeti Földrajza. Budapest, 1987. 646 o.
- Henthorn, W. E. Korea. The Mongol Invasions. Leiden, 1963. XII, 252 p.
- Hodous, F. Guo Kan: Military Exchanges between China and the Middle East. In *Along the Silk Roads in Mongol Eurasia. Generals, Merchants, Intellectuals*. Oakland, 2020. Pp. 27–43.
- Hsiao, S. Shih T'ien-Tse. In *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Wiesbaden, 1993. Pp. 27–45. [Hsiao, 1993a]
- Hsiao, S. Chang Jou. In *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Wiesbaden, 1993. Pp. 46–59. [Hsiao, 1993b]
- Hsiao, S. The Tung brothers: Nung Wen-Ping, Tung Wen-Yung, Tung Wen-Chung. In *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Wiesbaden, 1993. Pp. 621–645. [Hsiao, 1993c]
- Humphreys, R. S. From Saladin to the Mongols. The Ayyubids of Damascus, 1193–1260. New York, 1977. XI, 510 p.
- In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300). Wiesbaden, 1993. 808 p.
- Ivakin, G. Yu., Komar, A. V. Posle katastrofy: Kiev v 1241 g. [After the Disaster: Kiev in 1241]. In *Stratum plus*. 2016. No. 5. Pp. 59–72.
- Jackson, P. The Mongols and the Islamic World. From Conquest to Conversion. New Heaven; London, 2017. XXII, 614 p.
- Jusupović, A. Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów [1205–1269]. Studium prozopograficzne. Kraków, 2013. 352 s.
- Kolbas, J. The Mongols in Iran. Chingiz Khan to Uljaytu 1220–1309. London; New York, 2006. xv, 414 p.

- Kuchkin, V. A. Tsyatskie v Kievskom knyazhestve v XI–XIII vv. [Tsyatskie in the Kiev Principality in the 11th–13th Centuries]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2016. No. 3 (65). Pp. 5–16.
- Kychanov, E. I. Svedeniya “Yuan’ Shi” o zavoeevanii Rusi mongolami [Information from *Yuan Shi* about the Mongol Conquest of Rus]. In *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki*. Saint Petersburg, 1999. Issue 18. Pp. 160–169.
- Laushkin, A. V. Rus’ i sosedi: istoriya etnokonfessional’nykh predstavlenii v drevnerusskoi knizhnosti XI–XIII vv. [Russia and Its Neighbours: The History of Ethnoconfessional Representations in Old Russian Literature of the 11th–13th Centuries]. Moscow, 2019. 304 p.
- Lidov, A. M. Ierotopiya. Sozdanie sakral’nykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniya [Hierotopia. The Creation of Sacred Spaces as a Type of Creativity and the Subject of Historical Research]. In *Ierotopiya. Sozdanie sakral’nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi*. Moscow, 2006. Pp. 9–31.
- Likhachev, D. S. Poetika drevnerusskoi literatury [The Poetics of Old Russian Literature]. 3rd ed., expanded. Moscow, 1979. 352 p.
- Maiorov, A. V. Mongol’skoe zavoeevanie Volyni i Galichiny: spornye i nereshennye voprosy [The Mongol Conquest of Volhynia and Galicia: Controversial and Unresolved Issues]. In *Rusin*. 2015. No. 1 (39). Pp. 11–24.
- Maiorov, A. V. The Mongolian Capture of Kiev: The Two Dates. In *Slavonic and East European Review*. 2016. Vol. 94. No. 4. Pp. 702–714.
- Maiorov, A. V. Prince Mikhail of Chernigov: From Maneuverer to Martyr. In *Kritika*. 2017. Vol. 18. No. 2. Pp. 237–256.
- Maiorov, A. V. Zhenshchina, diplomatiya i voina: russkie knyaz’ya v peregovorakh s Batu nakanune mongol’skogo nashestviya [Woman, Diplomacy and War: Rus Princes in Negotiations with Batu on the Eve of the Mongol Invasion]. In *Shagi/Steps*. 2021. Vol. 7. No. 3. Pp. 124–199. DOI 10.22394/2412-9410-2021-7-3-124-199
- Maiorov, A. V. Russkie voiska v armii mongolov [Russian Troops in the Mongol Army]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 2024 (in print).
- Manz, B. F. Nomads and Regional Armies in the Middle East. In *Nomad Military Power in Iran and Adjacent Areas in the Islamic Period*. Wiesbaden, 2015. Pp. 1–28.
- Martin, H. D. The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China. Baltimore, 1950. xvii, 360 p.
- Munkuev, N. Ts. Zametki o drevnikh mongolakh [Notes on the Ancient Mongols]. In *Tataro-mongoly v Azii i Evrope*. Moscow, 1977. Pp. 377–408.
- Négyesi, L. A muhi csata, 1241. április 11. In *A tatárjárás*. Budapest, 2003. O. 394–406.
- Panchenko, A. M. O russkoi istorii i kul’ture [About Russian History and Culture]. Saint Petersburg, 2000. 462 p.
- Pashuto, V. T. Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoi Rusi [Essays on the History of Galician-Volhynian Rus]. Moscow, 1950. 329 p.
- Pourjavady, R., Schmidtke, S. The Quṭb al-Dīn al-Shīrāzī (d. 710/1311) Codex (Ms. Mar’ashī 12868). In *Studia Iranica*. 2007. Vol. 36. Iss. 2. Pp. 279–301.
- Pow, S. Mongol Inroads into Hungary in the Thirteenth Century: Investigating Some Unexplored Avenues. In *The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe*. London; New York, 2021. Pp. 98–118.
- Richka, V. M. Kiiv – Drugii Erusalim [Kiev is the Second Jerusalem]. Kiev, 2005. 243 p.
- Robinson, D. Empire’s Twilight: Northeast Asia under the Mongols. Cambridge, MA, 2009. XIV, 442 p.
- Smith, J. M. Demographic Considerations in Mongol Siege Warfare. In *Archivum Ottomanicum*. 1993. Vol. 13. Pp. 329–334.
- Spinei, V. The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. Transl. D. Bădulescu. Amsterdam, 2006. 546 p.
- Szabó, J. A tatárjárás. A mongol hódítás és Magyarország. Budapest, 2007. 204 o.
- Szabó, J. B. The Hungarian View of the Battle of Muhi (April 11, 1241): A New Interpretation of Historiographic Traditions. In *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2020. Vol. 8. No. 2. Pp. 243–257. DOI 10.22378/2313-6197.2020-8-2.243-257
- Togan, I. The Early Mongol State. In *The Mongol World*. London; New York, 2022. Pp. 68–86.

Tolochko, A. P. Vzyatie Kieva mongolami: istochniki letopisnogo opisaniya [The Capture of Kiev by the Mongols: Sources of Chronicle Description]. In *Palaeoslavica*. 2014. Vol. 22. No. 2. Pp. 101–118.

Tolochko, P. P. Drevnii Kiev [Old Kiev]. Kiev, 1983. 328 p.

Tolochko, P. P. Daniil Galitskii i nashestvie Batyya na Yuzhnyu Rus' v rabotakh peterburgskikh istorikov [Daniil Galitsky and Batu's Invasion of Southern Russia in the Works of St. Petersburg Historians]. In *Ruthenica*. 2020. Vol. 16. Pp. 125–135.

Turilov, A. A. Dimitrii Solunskii. Pochitanie u yuzhnykh slavyan i na Rusi [Demetrius of Thessalonica. Reverence among the Southern Slavs and in Rus]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, 2007. Vol. 15. Pp. 168–174.

Uzelats, A. Od Urala do Tsarigrada. Mongolski pokhod na Evropu (1236–1243) [From the Urals to Constantinople. Mongol Invasion of Europe (1236–1243)]. Beograd, 2023. 413 p.

Veselov, F. N. Padenie Ierusalima i Povest' o vzyatii Kieva v 1240 godu: literatura i istoriya [The Fall of Jerusalem and *The Tale of the Capture of Kyiv in 1240: Literature and History*]. In *Russkaya literatura*. 2023. No. 2. Pp. 51–62. DOI 10.31860/0131-6095-2023-2-51-62

Veszprémy, L. Újabb szempontok a tatárjárás történetéhez. In *A tatárjárás*. Budapest, 2003. O. 384–394.

Alexander V. Maiorov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Fedor N. Veselov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

DMITR THE CHILIARCH BEFORE AND AFTER THE FALL OF KIEV

When creating the Global empire, Genghis Khan and his successors developed mobilization mechanisms that made it possible to satisfy the growing needs for material and human resources necessary for their grandiose undertaking. A comparative study of the biographies of foreign military leaders who willingly or unwillingly went over to serve the Great Khan in China, Central Asia, the Caucasus and the Middle East makes it possible to reconstruct the missing links in the biography of the Kiev thousand-man (chiliarch) Dmitr, who was briefly mentioned in the Ipatiev (Galician-Volhynian) Chronicle and who defended Kiev in 1240 and then ended up in the service of the Mongols.

Keywords: the Great Western campaign of the Mongols, recruitment of foreign military leaders, Batu, Kiev thousand-man Dmitr